

Язык ТАНЦА

И. УВАРОВА

МАХМУД Эсамбаев родился в чеченском селении Старый Атаги. Ему было восемь лет, когда он объявил отцу, что хочет стать танцором. Отец побил его и сказал: — Джигит танцует редко, на больших праздниках. А ты хочешь потешать людей каждый день. Люди будут показывать на тебя пальцем и смеяться. Отец не мог знать, что пройдут годы и люди будут считать праздником тот день, когда они увидят, как танцует Махмуд.

Чеченский язык — язык очень маленького народа, его почти никто не знает. Но когда в дни фестиваля в Москве Махмуд Эсамбаев открыл народам мира свои странные, ни на что не похожие новеллы-пляски, его поняли все. Ему ответили громом оваций и криками восхищения, потому что Махмуд в совершенстве владеет международным языком искусства, понятным всем народам во все времена.

...К театральному подъезду подходит усталый худой человек с длинным горбатым носом и берется за ручку двери костлявой рукой. А потом на сцену

выходит Золотой Бог в лучистых одеждах, с лицом бронзовым и загадочно-прекрасным. Его руки плещутся в золотых волнах света, они быстры, как молнии, эти руки. Их много. Их тысячи мелькают в танце, тысячи золотых запястий многорукого, многоликого бога. Это Золотой Бог. Это древний, как мир, индийский танец.

У Махмуда много танцев, они красивы, легки, пластичны. Это танцы Африки и Азии, Кавказа и Монголии. Но самый интересный из них — узбекский танец «Чабан». Он прост и точен, как рисунок древнего человека на скале.

Он выбегает на сцену в полосатом неуклюжем халате и тюбетейке, глуповато ухмыляется. Он гонит перед собой невидимых овец. Он хлопает в ладоши, и получается так, что вы видите тучную землю, холмы и жирных тяжелых овец, которые, мотая тупыми лбами, бестолково зашевелились на сцене, и запах овчины всхлынул над холмами. Он бежит по сцене, хлопает, машет длинными рукавами и хлопает об овцах. Это танец? Да, это танец. Очень своеобразный, без видимого привычного рисунка, но весь пропитанный четким танцевальным ритмом.

И, устав, он садится на землю и считает по пальцам: «Раз, раз, раз». Одной овцы нет. Пауза. Тяжело глотнув, он считает опять, быстро: «Раз — раз — раз!» Овцы нет! Он вскочил, стоит, тяжело дыша, кадык перекачивается на его худой шее, и пот и слезы текут по испуганному лицу. Овцы нет! И сколько бесхитростного горя в его глазах.

И сколько бесхитростной радости, когда овца нашлась!

Он несет ее на руках, тяжелую, теплую. Он пляшет среди своей отары, он убегает за кулисы, подгоняя овец и размахивая неуклюжими длинными руками.

Что это — танец, древняя восточная легенда или сюжет новеллы? Или просто кусок обыкновенной жизни, переплавленной в золото искусства?

Махмуд приехал в Бразилию. В честь его ночью зажгли огни, люди собирались плясать на площади и глядеть танцы Махмуда. Лезгинка легко подхватила фигуру в белом бешмете, тонкую, точеную, как шахматная королева, и он полетел над землей, и казалось, концы его пальцев хотят коснуться земли и не могут.

А потом знаменитые бразильские танцоры показали Махмуду великий горестный танец макумбу. Это древний танец. Это было всегда у всех народов. Если народ постигала беда — война, чума, землетрясение, — навстречу беде вставал кто-нибудь, у кого в сердце рождался зов. На Востоке говорили: «Кто, если не ты? И когда, если не теперь?» И человек шел, чтобы заткнуть собой прожорливую пасть смерти, чтобы больше она никого не смогла тронуть. Бил барабан. И человек шел. Кто, если не ты? И когда, если не теперь?

Таков танец макумба. И настал день, когда великие бразильские танцоры стали зрителями вместе с многотысячной толпой, а Махмуд вышел на сцену, чтобы станцевать макумбу. На нем короткая куртка из шкур, худая грудь не прикрыта. На голове орлиные перья. Лицо белое, как маска, с красными пятнами на подбородке.

«Бум, бум, бум», — бьет барабан. Это кровь убитой птицы на его подбородке, и ее перья в его волосах. Или кровь человека, которая сейчас прольется? Бум, бум, бум! Это гудит бубен в темноте, или содранная кожа, натянутая на звенящий обруч, кричит под ударами? Он забился в дальний угол — комок меха, перьев, тоски, один на злобной и пустой, бесконечной, как вселенная, сцене. Бум, бум...

Бум. Злобные черные тени, тяжело дыша, топчутся вокруг. Это больше, чем смерть. Это гибель.

Потому что, когда умираешь ты один, своей собственной смертью, наутро засветит солнце, и трава брызнет из земли, и девушка засмеется и заплачет. Но тут совсем другое: умрет все. И травы, и смех, и слезы. Все стопчут, тяжело храпя, злобные грузные тени, и в мертвой тишине круглое, никому не нужное солнце будет подниматься по утрам над пустыней. Бум, бум. Кто, если не ты, остановит это? Встань. Протяни руки. Иди навстречу. Не хочешь? Не хочешь умирать. Твое тело бессильно бьется в пляске, оно хочет жить. Оно хочет плясать пляску жизни — вот такую, упругую, сильную, прекрасную. Но когда, если не теперь, остановишь ты черную беду? Пляши то, что не хотят плясать твои ноги. Пляши пляску смерти, пляску жертвы. Ты умрешь, но другие будут спасены. Пляши. Пляши!

И тогда великая сила отречения и жертвы распрямляется в нем, как пружина, и, раскинув руки, он кружится во мраке все быстрее и быстрее, и дикий вопль тоски, ужаса и торжества копьем пронзает тьму.

Он лежит мертвый, перья сломаны, и бессильны костлявые руки, и восковая смерть заострила и вытянула его лицо. И толпа, вскочив, молчит, потому что она стоит в почетном карауле перед смертью и подвигом на сцене.

И с того вечера каждый раз, танцуя макумбу, Махмуд обрекал себя на смерть и умирал на дощатом полу сцены. И когда спустя несколько лет он танцевал в Баку и сорвал ноготь с большого пальца, он не знал, что кровь залила сцену, и не чувствовал боли. Потому что он умер, как умирал каждый раз, танцуя макумбу...